

Ляман БАГИРОВА

ЗЕРКАЛО СЕРДЦА

Книга прозы

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2026

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
Б14

Серия основана в 2024 году

Багирова, Л. С.

Б14 Зеркало сердца : книга прозы / Ляман Багирова. — Минск : Четыре четверти, 2026. — 208 с. — (Серия «Современная проза»).
ISBN 978-985-581-815-2.

Идеальная книга для тех, кто устал от бесконечной гонки.

«Зеркало сердца» — это как вечер у камина с очень мудрым собеседником. Ляман Багирова не учит жить, она просто показывает, как тонко и глубоко чувствуют другие.

Обычные люди. Не герои, не спасатели мира. Но именно в их историях — любви, злости, прощении и надежде — мы находим ответы на свои вопросы. Эта проза не даст забыть о том, что счастье существует. Оно прячется в мелочах, даже когда кажется, что мир рухнул.

Позвольте этой книге стать вашим личным отражением. Она оставит после себя свет. Много света.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-815-2

© Багирова Л. С., 2026
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2026

ЧУДЕСА ПОД СОЛНЦЕМ

РАПСОДИЯ МАЙСКОГО ДНЯ

Эти строки я пишу ночью в тишине деревенского дома, пропахшего мёдом и старостью. Хозяин его, проведший, кажется, на пасеке полжизни, крепко спит. День был трудный, а бывали ли у него лёгкие дни?.. Труд пчеловода тяжёл и кропотлив.

Мои попутчики спят, утомлённые долгой дорогой и весёлой беседой. Это только кажется, что веселье даётся легко и ни к чему не обязывает. Любое общение требует душевной отдачи, настройки на собеседника, и вот — вроде всё легко и просто, а силы всё равно уходят, потому что трудно слушать, но не слышать. Общаться бездумно, не вникая. Кто бы что ни говорил, это почти невозможно. Ну, если только не обладать потрясающим даром неуважения к собеседнику.

К счастью, мои милые спутники таким даром не обладают. Это друзья, проверенные временем и радостью, ибо чужая радость — это тот оселок, на котором правится искренность дружбы. За долгие годы общения мы вынесли главное — стараться услышать и быть деликатными друг к другу. И сейчас, когда мягкий лунный свет озаряет их обветренные лица, я думаю, что всё идёт так, как должно. Что именно он, тонкий лунный луч, способен выразить сущность нашей дружбы — застенчивую деликатность сквозь внешнюю грубоватость.

Мне не спится. Это бывает всякий раз на новом месте. Нужно привыкнуть к нему, принять его в себя, и тогда, может быть, оно откроет тебе свою душу. Только тогда прилетят самые сладкие, самые добрые сны. А пока нас двое бодрствующих — я и хозяйская кошка Манька с такими отчаянными зелёными глазами, что сразу видно: оторва и рулевая. Манька удобно устроилась на железной печке — та ещё хранит тепло и пристально поглядывает на меня.

На её серо-рыжей морде читается: «Ходюте тут всякие, гостят, не спят, из-за них и глаз не сомкнёшь. Не ровен час, что-нибудь сопрут!»

Спирать я ничего не собираюсь. Манька, видно, немного поверила в это и ослабила бдительность. Прикрыла глаза, уютно подобрала под себя лапы и хвост — ни дать ни взять бройлерная курочка — и делает вид, что дремлет. Но не дай Бог шелохнуться — зелёное суровое око устремляет свой взор на меня. Ладно, Манька, буду тише воды, ниже травы, даже бумагой не зашуршу, чтобы твой покой не нарушить.

Послушаем-ка вместе голоса ночи. В них много таинственного и доброго. Здесь ночь изменила своему классическому определению и вовсе не кажется зловещей.

Тихо стучат ходики, оставшиеся ещё с незапамятных времен. Сейчас точно таких не встретишь. Тёмно-коричневые, с тусклым циферблатом и тёмными маленькими гирьками, они важно отсчитывают минуты и часы. В будущее ли?.. А может, в прошлое?.. Уж больно они старинные. И возвещая каждый новый час, они тихонько вздыхают, словно вспоминают молодость. Даже часам хочется повернуть время вспять.

Бьются о маленькие окна, затянутые по деревенскому обычаю сборчатыми занавесками, белые мотыльки. В лунном свете они кажутся кружевным туманом, живым, словно ртуть. Май в разгаре, на землю будто накинули зелёное покрывало, расписанное белым клевером, синей медуницей, жёлтой сурепкой и алыми маками. Ах, есть ещё островки голубой вероники и оранжевых купальниц: радуга в мае не только на небе. Горят на солнце синие, золотистые, зелёные перья нарядных щурков, они летают, суетятся, щебечут, взахлёб рассказывают небесной и земной радугам друг о друге.

Но вернусь к ночи. Сейчас она накрыла прохладой землю, и та спит, набирается сил, чтобы встретить новый день и восславить весну. Всё тихо, только бормочет сонный ручей вблизи дома да изредка залает пёс в будке. Но лай слабый, короткий, в один-два такта. Видно, снится псине что-то тревожное.

На стене висит топор. Как сказала хозяйка, от блуда. То ли в шутку, то ли всерьёз. Хозяева — верующие особого толка, исправно соблюдают все религиозные предписания. Развод у них — смертельный

грех, считается, что тем самым потворствуют блуду. «Если женщина в разводе, то она даже в церковь на венчание собственных детей войти не может, считается позором», — говорит хозяйка, и в глазах её при этом тлеет печаль. Кто знает, у кого на сердце какая боль. В каждой избушке свои погремушки...

Манька, кажется, уснула на железной дровяной печке. Такие неуклюжие сооружения я видела лишь в детстве — они мне напоминали отчего-то пауков с огромным прямоугольным телом и коленчатыми трубами-ногами. Чем не паук?.. Но столько тепла и уюта в его железном чреве, что хочется обнять его, как старого знакомого. «Не пожалей своего тепла, железный старичок, глядишь, и в нашем мире прибавится доброты».

Под ногами шуршит что-то. Манька недовольно приоткрывает один глаз. Я наклоняюсь и достаю из-под лавки пучок сухой полыни. Она растёт здесь повсюду, покрывая горы серо-зелёным жёстким ковром, отчего те кажутся сказочными исполинами в зеленоватых dospexax.

Пучок ветхий, того и гляди рассыплется. От него пахнет пылью и печалью. Полынь используют не только как лекарственное средство, но и от сглаза. Я вспоминаю, как бабушка, разводя огонь в очаге, неизменно бросала в него пучок полыни, приговаривая: «Сгинь, дурной глаз, умолкните злые уста, замри злое слово. Полынь-трава, отведи от нашего очага всякое зло, всякую нечисть, мокрицу и шашель. А добро приваживай к дому. Фу! Ха! Аминь!» И стлался над бабушкиным садом, над её руками сизоватый горький дым, и не было слаще и роднее этого полынного духа.

Часы нехотя и тихо бьют пять утра. Скоро встанет хозяин, ему ни свет ни заря на пасеку. Надо проверить рамы, проветрить улья, собрать цветочную пыльцу, нарезать свежего мёда в сотах.

Да вот и он — кормилец семьи — мёд. Янтарное чудо в хрустальной вазе. А рядом вазочка поменьше с утрамбованной цветочной пыльцой. Кажется, что и стены пропитаны медовым духом. Мёд, пыльца, прополис, маточное молочко — всё даёт пчела-труженица, благосостоянием своим обязана семья мёду и благодарна ему за это.

Голоса ночи постепенно стихают. Одна за другой гаснут крупные звёзды, на сером востоке появляется бледно-розовая полоса.

В кухню входит заспанный хозяин. Манька потягивается недовольно на печке: разбудили царевну, видите ли...

— А вы что же, не ложились? — удивляется хозяин. — Так вас потом разморит, весь день носом клевать будете.

Я уверяю его, что клевать носом не буду и что отлично выпалась и встала незадолго перед ним. Врать нехорошо, конечно, но зачем же посвящать человека в причины своей бессонницы?!

— А будете яичницу с помидорами? — заговорщицки подмигивает мне хозяин. — Пока никто не встал, я сейчас её сварганю по собственному рецепту. Помидоры свои, с огорода, без химии. Пальчики оближете. И чай заварю с горным чабрецом.

Он разжигает печку сосновыми ветками и шишками. Огонь лениво вьётся по стенкам, стелется синими струйками и вдруг вспыхивает оранжевым весёлым светом. В кухне пахнет смолой, мёдом, цветами, и запах этот тоже веселит, успокаивает.

Хозяин не спеша ставит на печку чайник и большую чёрную сковородку. Кидаёт в неё кусок сливочного масла, оно сразу же тает и мелодично шипит, словно поёт.

Так же сосредоточенно хозяин надрезает крест-накрест четыре больших розовых помидора, кладёт их на сковородку и накрывает её крышкой. Сковородка неистовствует и плюётся масляными брызгами. Те мгновенно вспыхивают на горячей печке и сразу превращаются в синий пахучий дым.

Но вот помидоры достаточно пропеклись, шкурку с них снять легко. Я наблюдаю за отточенными движениями хозяина. Его рабочие руки на удивление легки и изящны, так виртуозно он колдует над яичницей.

Очистив помидоры, он нарезает их кружками, посыпает чёрной солью и красным перцем и снова бросает на сковороду томиться. Те скворчат, пуская сок. Тем временем в чашку выпускаются шесть яиц, одно за другим, легко взбиваются и — вуаля! — отправляются к помидорам. Наблюдать за этим процессом — удовольствие, настолько он зрелищный и музыкальный!

Манька немного волнуется, но виду не показывает, часть хозяйской еды ей положена по праву рождения в этом доме, поэтому волнение чисто символическое!

Пока ведутся приготовления, хозяин посвящает меня в тайны своей работы. Пчеловодство — целая наука, увлекательная и серьёзная. Как и жизнь самих пчёл: словно маленькое государство с собственными законами, правлением и чудом строительного искусства — сотами. Каждая ячейка — совершенство линий! Хозяин воодушевляется, и некрасивое лицо его становится одухотворённым. *«Понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке»**, — кажется, сказано про него. Все же как прекрасен может быть человек, когда он увлечён своим делом!

И вот, наконец, альфа и омега сегодняшнего утра — румяная, жёлто-алая скворчащая яичница на столе. Уже закипел чайник, и хозяин занят новым ритуалом — словно священнодействуя, он ополаскивает фарфоровый заварной чайник, насыпает в него чёрный чай, щепоть чабреца и ещё каких-то сиреневых сухих цветов. «Медуница», — догадываюсь я.

Аромат от чая волшебный. Мы неторопливо, стараясь не обжечься, поглощаем свои порции. Хозяин ставит сковородку на край печки, чтобы яичница не остыла: скоро встанут завтракать и остальные.

Мы пьём чай с мёдом и пергой — цветочной пылью. У неё специфический терпкий вкус, но вскоре привыкаешь. Перга очень полезна: она улучшает зрение и защищает от инфекций.

Завтрак наш проходит в полном молчании. И я, кажется, только сейчас понимаю смысл поговорки: «Когда я ем, я глух и нем». Верно! В ней отразилось глубокое уважение человека к плодам своего труда. Они действительно достаются потом и кровью.

Ходики нежно возвещают семь утра. Майское утро в самом расцвете. Хозяин улыбается:

— Ну, мне пора. А вы отдохните, мало ведь спали. Понравилась яичница?

Я киваю от всей души! Ещё бы! Никогда не любила это блюдо, но тут, кажется, всю сковородку бы съела!

— И чай! Прелесть!

— Так пейте на здоровье. — Хозяин явно рад, но смущается. — Приятного отдыха.

* Строчка из стихотворения И. Бродского «На смерть друга».

Он скрывается за занавеской, разделяющей вместо двери кухню и прихожую. Манька следует за ним по своим делам.

Я снова остаюсь одна. Но уже ненадолго. Сейчас появятся мои милые заспанные спутники, хозяйка дома и её дети. День пойдёт своим чередом.

Очередной майский день, напоенный солнцем, лёгким дождём и отдыхом. А его, как и счастья, становится всё меньше. Но может, оттого он сладок и памятен?..

УТРЕННИЕ ЗВЁЗДЫ

*Моей подруге Машеньке —
деликатнейшему человеку и прекрасному врачу*

Когда черед прелестных задумчивых дней сменялась дождливыми буднями, когда небо из бирюзового становилось молочно-опаловым, когда по утрам обледеневший асфальт мелодично хрустел под ногами, люди понимали: в их южный город пришла зима. И медленно, но верно устанавливала свои порядки: графичность зданий — в холодном воздухе они сразу все словно вытягивались, бледнели и хорошели, крик ворон — крылатых фрейлин зимы, укусный запах палых мокрых листьев. Зима в южном городе походила на благовоспитанную даму-дворянку — вкрадчивую, спокойную, немногословную, но уверенную в своих правах. Спокойно и уверенно ступала она по улицам города, окрашивая его в серый цвет — цвет южной зимы. В её присутствии размеренными становились шаги, глуше звучали голоса, словно элегантность и сдержанность сообщалась людям, деревьям, машинам, животным и даже детям — а уж эти проказники всегда готовы поднять визг, ор и гам по любому поводу.

Но южная зима — Дама в сером — и на них действовала успокаивающе. И в этом было главное её достоинство — упорядочивались мысли, строже и тоньше становились размышления, ароматнее воспоминания. Оживали, как призраки былого...

Ляман Сархадовна Багирова

Член Союза писателей Азербайджана, Союза писателей Беларуси и Российского союза писателей. Вышли в свет 10 книг, в их числе: «Рескрипт», «Мистика первого декабря», «Серёжки для Селии», «Насмешливое счастье», «Апрельская “невеста”», «Внучка Дон-Кихота».

Лауреат многих литературных конкурсов. Удостоена диплома и премии Посла России в Азербайджане Владимира Дорохина «За творческий вклад в поддержку и развитие русского языка и литературы в Азербайджане», медали им. Л. Н. Толстого Международной Академии Русской Словесности, медали «За заслуги в культуре и искусстве» Российского творческого Союза работников культуры, медали «Антон Чехов» Обще-ственно-культурно-научного объединения «Чеховское общество».

СОДЕРЖАНИЕ

Чудеса под солнцем	3
Рапсодия майского дня	3
Утренние звёзды	8
Слово о свекрови	18
Неловкость	25
Музыка осени	34
«Всё пропаль!»	40
Месяцы года	47
Январь: На побегушках	47
Февраль	51
Март: Когда я вернусь	57
Апрель: Байдуковцы	63
Май: Путешествия из Баку в города... ..	72
Июнь: Чучундра	82
Июль: Дремлют плакучие ивы	89
Август! — Сердце!	93
Август: Ночные цветы	102
Сентябрь: Узор на стекле	110
Сентябрь: Обычный тбилисский день	118
Октябрь: Шаги	122
Ноябрь: Завтра	131
Ноябрь: Антей	139
Декабрь: Светофор	148
Театральные искры	153
Гончар	153
Колдун	161
Артист	169
Кромин	181
Диалектика!	181
Труды и отдых Кромина	194
Голос	200
<i>Об авторе</i>	206